

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-5

Мозговая А.В.¹
Шлыкова Е.В.²

Стиль жизни городской общности как ресурс адаптации
к неопределенности среды

¹ Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
mozgovai@yandex.ru

² Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
shlykova70@yandex.ru

*Статья поступила 14 февраля 2018 г.; Принята 10 марта 2019 г.;
Опубликована 30 марта 2019 г.*

Аннотация. В статье обосновывается актуальность исследования проблем адаптации к условиям неопределенности в городской среде. Исследовательской проблемой является выявление специфических составляющих стиля жизни городской общности в условиях кризиса и оценка значимости различных показателей этих составляющих для адаптации к неопределенности. Анализ данных общероссийского мониторинга, проведенного в пик кризиса, то есть в период неопределенности на макроуровне, выявил низкий уровень адаптированности респондентов из городских поселений с населением от 100 тыс. человек до 250 тыс. человек, которые в специальной литературе принято называть «большими городами». Сравнительный анализ составляющих стиля жизни городских общностей больших городов и всех остальных позволил сделать следующие выводы. Стиль жизни городской поселенческой общности можно рассматривать как комплексный показатель «ресурсности» адаптации к неопределенности среды, в том числе вызванной кризисом на более высоком структурном уровне. В целом данные позволяют охарактеризовать адаптационную «ресурсность» стиля жизни респондентов из больших городов как двойственную. С одной стороны, определенный консерватизм, «застойность» способствует психологической адаптации к кризисному периоду, с другой стороны, вхождение неопределенности в нашу повседневность требует, во-первых, рефлексии и признания этого факта изменившейся социальной реальности, во-вторых, активного наращивания адаптационного потенциала. Корректировка стиля жизни выступает механизмом этого сложного адаптационного процесса через повышение субъектности, рефлексивности, деятельностно-мотивационной составляющей стиля жизни.

Ключевые слова: неопределенность; городская среда; стиль жизни; большие города; адаптация; ресурсы.

Информация для цитирования: Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Стиль жизни городской общности как ресурс адаптации к неопределенности среды // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 5, N 1. С. 52-69 DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-5

Alla V. Mozgovaya¹
Elena V. Shlykova²

**Urban community lifestyle as a resource for adaptation
to uncertainty of the environment**

¹ Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
mozgovai@yandex.ru

² Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
shlykova70@yandex.ru

*Received on February 14, 2018; Accepted on March 10, 2019;
Published March 30, 2019*

Abstract. The article substantiates the relevance of the study of problems of adaptation to the conditions of uncertainty in the urban environment. The research problem is to identify the specific components of the urban community's lifestyle in times of crisis and to assess the significance of various indicators of these components for adaptation to uncertainty. Data analysis from the Russian nationwide monitoring, conducted during the peak of the crisis – a period of uncertainty at the macro level, has revealed a low level of adaptability of respondents from urban settlements with a population from 100,000 to 250,000, which are commonly referred to as “big cities”. A comparative analysis of urban community's lifestyle components from big and all other cities has allowed us to draw the following conclusions. The lifestyle of the urban settlement community can be viewed as a complex indicator of the “resourcefulness” of adaptation to environmental uncertainty, including those caused by the crisis at a higher structural level. In general, the data allows us to characterize the adaptive “resourcefulness” of respondents' lifestyle from big cities as dual. On the one hand, a certain conservatism, “stagnation” contributes to psychological adaptation to the crisis period, on the other hand, the uncertainty in our everyday life requires reflection and recognition of the changed social reality, and, secondly, active increasing of the adaptation potential. The adjustment of lifestyle is the mechanism of this complex adaptation process through the increase of subjectivity, reflexivity, and the activity-motivational component of lifestyle.

Keywords: uncertainty; urban environment; lifestyle; big cities; adaptation; resources

Information for citation: Mozgovaya, A. V. and Shlykova E. V. (2019), “Urban community lifestyle as a resource for adaptation to uncertainty of the environment”, *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 52-69, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-5

Введение (Introduction). Город в социологической традиции рассматривается как подсистема социальной реальности, специфика которой заключается в соци-

ально-территориальной организации жизнедеятельности населения, базирующаяся на определенном комплексе производственной, инфраструктурной, культурной,

социальной жизнедеятельности населения. В сформированной городской среде складывается специфический образ жизни поселенческой общности и стиль жизни отдельных социальных групп.

Среда для территориальной общности выступает объективным жизненным условием, к которому так или иначе приходится адаптироваться. Более того, через городскую среду в жизни индивида и его ближайшего окружения преломляются трансформации и кризисы, формирующиеся на уровне общества в целом и его отдельных структурных элементов, создавая неопределенность в устоявшемся образе и стиле жизни. В этом контексте исследования проблем адаптации к условиям неопределенности в городской среде приобретают особую актуальность.

Понятие «неопределенность» широко используется «в концептуализации трансформационных процессов и переходных состояний систем различной природы и их элементов – природы, техносферы, социума, среды обитания в целом» (Риски..., 2016: 37). Основным фундаментальным признаком неопределенности – это неоднозначность позитивной направленности изменений. На какой бы позиции ни находился социальный субъект: деятельностной или пассивной, взаимодействовать с неопределенностью ему так или иначе придется. Нестабильность и неустойчивость привычных условий среды, противоречие между инновациями и повседневностью требует и от индивида, и от социальных субъектов тех или иных усилий по ее упорядочиванию.

На уровне социальных институтов упорядочивание неопределенности осуществляется через механизм организации и управления; на уровне личности – через механизм взаимодействия с меняющейся средой, то есть через адаптацию, корректировку стиля жизни, жизненной стратегии в целом. Адаптация трактуется нами как взаимодействие личности с макро-, мезо- и микросредой для достижения комфортного самочувствия, безопасности и

устойчивости внешних факторов как предпосылок реализации тех или иных жизненных целей. В макро- и мезосреде происходит формирование, воспроизводство и обновление системообразующих условий социальной жизнедеятельности конкретного социума на том или ином этапе его развития. Микросреда отражает совокупность условий и факторов, составляющих повседневность индивида, группы. При этом существенным является то, что нововведения в макросреде, скажем в институциональной сфере, преломляются в повседневной жизни индивида, требуют корректировки его жизненной стратегии, *адапционного поведения*, оценки рисков выбора и прочее.

Особенно актуальным для исследования представляется изучение адаптационных ресурсов и практик различных категорий населения, которые конструируются ими для снижения уязвимости в условиях неопределенности. Как показывают исследования, в частности наши собственные, неопределенность на личностном уровне проявляется через отсутствие четких представлений о будущем, неуверенность в завтрашнем дне, дефицит институционального доверия и другие социальные показатели. Одной из гипотез, сформулированных на базе предыдущих исследований, является следующее допущение: сама городская среда, точнее – стиль жизни городской общности, в условиях неопределенности выполняет функцию адаптационного ресурса, облегчая или, напротив, усложняя процесс адаптации к неопределенности. На наш взгляд обоснование социологической сущности феномена неопределенности целесообразно строить на идеях диалектики, рассматривая неопределенность не столько как противоположность стабильности и устойчивости, сколько как этап развития и социальной системы и личности. Социологами установлено, что в так называемых моногородах, в частности, имеющих потенциально опасные химические, добывающие или обрабатывающие предприятия, то есть про-

живающих в условиях перманентной неопределенности, формируется специфический стиль жизни, субкультура риска (Мозговая, 2008), включающая навыки, практики, установки, способствующие успешной адаптации к новым условиям.

Актуальной проблемой, имеющей исследовательский интерес в этой связи, является анализ специфических составляющих стиля жизни городской общности в условиях кризиса и оценка значимости различных показателей этих составляющих для адаптации к неопределенности. В предлагаемой коллегам статье мы ставим следующую исследовательскую цель: во-первых, на базе данных общероссийского мониторинга, проведенного в пик кризиса, то есть в период неопределенности на макроуровне, определить наличие/отсутствие разницы в оценке степени кризисности, социальной и психологической напряженности среды различных по численности населения городов; выявить специфику тех показателей стиля жизни городской общности, которые разработчик счел целесообразным включить в инструментарий мониторинга.

Методология и методы (Methodology and methods). Эмпирическую базу анализа составляет массив данных «второй волны» (март 2015 года) мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданная при финансовой поддержке РФФИ. Опрос проводился по многоступенчатой районированной выборке с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Выборочная совокупность репрезентирует взрослое население России в возрасте от 18 лет и старше по полу, возрасту, уровню образования, типу поселения и составляет 4000 человек (Российское общество..., 2015: 9-11). Выбор именно этой базы данных для анализа в статье обосновывается заявленной целью волны мониторинга, а именно – изучить

воздействие *наиболее острой фазы* экономического кризиса на повседневную жизнь россиян. С точки зрения социологии риска, 2015 год, обозначенный как *пик кризиса*, характеризуется высокой скоростью изменений среды, а значит *высоким уровнем неопределенности*.

Специалисты в области изучения проблем народонаселения базовым социально-экономическим признаком статистического анализа считают численность населения города. Социолог рассматривает этот признак как своеобразный «узел», собирающий на себя жизнедеятельность территориального сообщества, определяя степень сложности социальной, экономической, духовной, культурной жизни и системы управления. В выборочной совокупности мониторинга доли городских поселений с определенной численностью соответствуют распределению в генеральной совокупности. Всего в инструментарии имеется пять типов городов: с населением более 1 млн. человек, от 500 тыс. до 1 млн. чел., от 250 до 500 тыс. чел., от 100 тыс. до 250 тыс. чел., менее 100 тыс. чел.

Методика анализа и основные понятия. Такое качество среды, как кризисность, степень социальной и психологической напряженности мы измерим через оценку респондентами психологического состояния окружающих людей, характера изменений, текущей ситуации и перспектив развития страны, удовлетворенности жизнью на момент опроса. В совокупности низкие оценки по этим показателям укажут на наличие *неопределенности в городской среде, вызванной кризисом*. Наличие типа городских поселений с самыми низкими оценками укажет на самую уязвимую городскую общность, которая и станет непосредственным объектом нашего анализа.

В философии понятие *стиля* трактуется как сложившаяся на основе социально-экономических условий жизни система идей, средств и методов отражения природной и социальной среды. В социологии понятие *стиля жизни* включает мотиваци-

онно-деятельностную (мотивы/активность) и мировоззренческую составляющие, особенности уровня и качества жизни. Стиль жизни для социолога определяется не только уровнем и качеством жизни, условиями среды проживания, но и субъективными показателями отношения к этим составляющим жизнедеятельности. С этих позиций стиль жизни городской поселенческой общности можно рассматривать как комплексный показатель «ресурсности» адаптации к неопределенности среды, в том числе вызванной кризисом на более высоком структурном уровне – общества в

целом как системы. Принято считать уровень жизни социально-экономической категорией, а качество жизни – социологической категорией. В специализированной литературе имеется широкий перечень показателей как уровня, так и качества жизни. Инструментарий общероссийского мониторинга включает достаточное количество соответствующих показателей для решения исследовательских задач. В таблице 1 приведены те показатели, которые доступны для анализа под цели статьи на данных имеющейся в нашем распоряжении эмпирической базы.

Таблица 1

Эмпирическая интерпретация понятия стиля жизни

Table 1

Empirical interpretation of the concept of lifestyle

Составляющие	Интерпретация
Уровень жизни	<ul style="list-style-type: none"> - среднемесячный доход на члена семьи - собственный среднемесячный доход - основные источники дохода - иждивенческая нагрузка - самооценка динамики материального положения и его перспектив - удовлетворенность материальной обеспеченностью
Качество жизни	<ul style="list-style-type: none"> - уровень образования - профессиональная квалификация и уровень удовлетворенности возможностью реализовать себя в профессии - «информационно-культурный профиль»
Мотивационно-деятельностная и мировоззренческая	<ul style="list-style-type: none"> - социальные связи - социальная активность - институциональное доверие - ценностные ориентации и жизненные стратегии

Субъективная оценка качества среды и удовлетворенности жизнью в городских населенных пунктах разного типа: обоснование объекта исследования. Субъективную оценку качества *микросреды* мы интерпретируем через оценки психологического состояния людей из ближайшего окружения респондентов. Результаты сравнения удельного веса позитивных и негативных оценок психологического состояния *микросреды* в различных типах городских населенных пунктов позволяют утверждать, что особым образом выделяются жители городов с населением от 100

тыс. до 250 тыс. человек, в то время как между оценками респондентов из городов других типов значимые различия не зафиксированы. Удельный вес оценок жителей городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек позитивного состояния окружающих их людей ниже, а негативно-го выше, по сравнению с оценками респондентов из городов других типов: считают, что их *микросреда* характеризуется спокойствием, уравновешенностью – 34% респондентов из указанной группы против 39-42% в других группах, апатией – 24%

против 14-16% соответственно; тревожностью – 51% против 40-45%.

Схожую тенденцию мы обнаружили и в результатах сравнительного анализа оценок качества *макросреды*. В городах с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек по сравнению с другими городскими населенными пунктами несколько выше доли считающих ситуацию в России на момент опроса напряженной, кризисной (68% против 61-66%); отмечающих перемены к худшему, произошедшие за год (79% против 68-75%); утверждающих, что в ближайшей перспективе Россию ждут трудные времена (70% против порядка 50-60%), и указывающих на рост напряженности в обществе (72% против 59-69%).

Удовлетворенность жизнью является одной из важнейших составляющих социального самочувствия и выступает показателем адаптированности к изменениям среды (Козырева, 2004). Анализ показал, что жители городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек отличаются от жителей других городских поселений по уровню удовлетворенности жизнью в целом: Высокий уровень удовлетворенности жизнью демонстрирует четверть респондентов из городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек, в остальных городских населенных пунктах значения этого показателя значительно выше (25% против 32-36% соответственно).

В целом жители городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек, в отличие от других городских поселений, видят микросреду скорее психологически-негативной и мезосреду – кризисной, с тенденцией к возрастанию напряженности и негативным переменам и характеризуются низким уровнем удовлетворенности жизнью, что в совокупности свидетельствует о низком уровне адаптированности населения городов этого типа к условиям неопределенности, вызванном кризисом, на момент опроса.

Мы предполагаем, что имеет место специфика стиля жизни как комплексного адаптационного ресурса респондентов из

городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек, обуславливающая низкий уровень их адаптированности к неопределенности среды. Для дальнейшего сравнительного анализа сформируем две целевые группы – жители городов с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек (N=206) и жители городов остальных типов (N=2637). Отметим, что демографы традиционно классифицируют города с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек как большие (Демографическая энциклопедия, 2017: 190), поэтому в дальнейшем будем именовать целевые группы «жители больших городов» и «остальных городских населенных пунктов». Далее проведем сравнительный анализ рассматриваемых целевых групп по ряду показателей стиля жизни территориальной поселенческой общности. Для более глубокого понимания специфики объекта исследования приведем примеры и назовем несколько больших городов: Химки (245 тыс. жителей), Великий Новгород (223 тыс.), Люберцы (190 тыс.), Петропавловск-камчатский (150 тыс.), Электросталь (154 тыс.), Обнинск (114 тыс.), Сергиев-Посад (105 тыс.), Ногинск (102 тыс.). Анализ всего списка по данным статистических ведомств позволяет охарактеризовать подобные города как преимущественно монопрофильные, городская среда которых формировалась вместе и под задачи развития этого профиля.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Стиль жизни больших городов: адаптация к кризису.

Уровень жизни как экономическая составляющая стиля жизни населения больших городов. Показатели уровня жизни, доступные для анализа, это: фактический статус (среднемесячный доход и его основные источники, иждивенческая нагрузка семьи) и субъективные оценки динамики материального положения и удовлетворенности материальной обеспеченностью.

Для анализа *среднемесячного дохода* используем методику, предложенную ведущими специалистами в области исследований социально-экономического положения населения России П.М. Козыревой и А.И. Смирновым. Распределим респондентов из целевых групп по следующему критерию: низкодоходная группа – 0,75 медианного значения и менее; нижняя среднедоходная группа – более 0,75 до 1,25 медианы; верхняя среднедоходная – более 1,25 до 2 медиан; высокодоходная группа – более 2-х медианных значений (Козырева, Смирнов, 2018: 30).

Респондентам предлагалось ответить на вопросы о среднемесячном доходе на каждого члена семьи и собственном среднемесячном доходе. По собственному среднемесячному доходу различий между целевыми группами не наблюдается. По среднемесячному доходу на члена семьи в больших городах существенно ниже доля низкодоходных и выше нижних среднедо-

ходных по сравнению с остальными городскими поселениями – 19% против 32% и 38% против 32% соответственно.

Анализ специфики *источников дохода* сводился к подсчету внутригруппового удельного веса каждого из указанных в анкете, и построению их рейтинга по убыванию величины удельного веса. К основным источникам доходов респонденты из обеих целевых групп относят (в порядке убывания удельного веса): зарплату по основному месту работы; пенсии, пособия; разовые приработки; подсобное хозяйство, дачный участок; помощь родственников, друзей, соседей. По величинам удельного веса указанные источники доходов в целевых группах не различаются.

Не имеют *иждивенческой нагрузки* 27% респондентов в больших городах и 28% – в остальных городских населенных пунктах. Однако между целевыми группами наблюдаются *качественные* различия иждивенческой нагрузки (таблица 2).

Таблица 2

Особенности иждивенческой нагрузки в больших городах и остальных городских населенных пунктах (удельный вес от имеющих иждивенческую нагрузку в каждой целевой группе)

Table 2

Features of the dependent load in large cities and other urban settlements
(share of having a dependent load in each target group)

Вид иждивенческой нагрузки	Имеющие иждивенческую нагрузку в целевой группе	
	Большие города (N=151)	Остальные городские населенные пункты (N=1899)
Неработающие пенсионеры	51	39
Неработающие студенты	17	23
Несовершеннолетние дети	41	50

В больших городах выше удельный вес имеющих на иждивении пенсионеров, в остальных городских поселениях – детей и неработающих студентов.

Как показывают исследования коллег и наши, важным показателем уровня жизни выступает не только фактический мате-

риальный статус, но и субъективная оценка его устойчивости и удовлетворенности им (Гриценко, 2014, Шлыкова, 2017). *Устойчивость материального положения* измерим, опираясь на самооценки его динамики за год и перспектив его изменения в будущем (таблица 3).

Таблица 3

Самооценка динамики и перспектив изменения материального положения
(% от опрошенных в каждой целевой группе)

Table 3

Self-assessment of the dynamics and prospects of changes in the financial situation
(% of respondents in each target group)

Целевая группа	Самооценка динамики материального положения за прошедший год			Самооценка перспектив изменения материального положения в ближайший год		
	Улучшилось	Ухудшилось	Не изменилось	Улучшится	Ухудшится	Не изменится
Большие города	10	33	57	17	35	48
Остальные городские населенные пункты	10	45	45	28	35	37

Результаты анализа показывают, что респонденты из больших городов в целом оценивают динамику своего материального положения как «не изменилось и не изменится». В остальных городских поселениях чаще отмечают ухудшение материального положения за год, но и больше верят в его улучшение в ближайшей перспективе.

Отвечая на вопрос анкеты, респонденты оценивали удовлетворенность

материальной обеспеченностью по трехбалльной шкале – «хорошо, удовлетворительно, плохо», что в нашей интерпретации соответствует «высокому, среднему, низкому» уровню самооценки удовлетворенности этой стороной жизни. Результаты сравнительного анализа целевых групп по этому показателю представлены в таблице 4.

Таблица 4

Самооценка уровня удовлетворенности материальной обеспеченностью
(% от опрошенных в каждой целевой группе) и индекс удовлетворенности¹

Table 4

Self-assessment of the level of satisfaction with material well-being
(% of respondents in each target group) and satisfaction index

Целевая группа	Уровень удовлетворенности материальной обеспеченностью			Индекс удовлетворенности
	Высокий	Средний	Низкий	
Большие города	15	72	13	0,02
Остальные городские населенные пункты	21	59	20	0,01

¹Индекс удовлетворенности рассчитывается на основе методики, представленной в (Татарова, 1998), по формуле: $IY = ((a-b))/100$, где a – доля респондентов, высоко оценивающих собственную удовлетворенность, b – доля респондентов, низко оценивающих собственную удовлетворенность. ИУ принимает значение от -1 (абсолютная неудовлетворенность) до $+1$ (абсолютная удовлетворенность).

Большинство респондентов из больших городов характеризуется средними оценками удовлетворенности материальной обеспеченностью. В остальных городских поселениях «разброс» оценок больше. Индекс удовлетворенности материальной обеспеченностью не существенно, но выше в больших городах.

Качество жизни как субъективная составляющая стиля жизни населения больших городов. Эмпирические данные, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют интерпретировать качество жизни через такие показатели как уровень образования; профессиональная квалификация и удовлетворенность возможностью реализовать себя в профессии; «информационно-культурный профиль».

У респондентов из больших городов по сравнению с жителями остальных городских поселений ниже *уровень образования*: среди них ниже доля имеющих незаконченное высшее и высшее образование (35% против 42%) и выше – имеющих среднее и среднее специальное (62% против 56%).

По уровню *профессиональной квалификации* различий между целевыми группами не обнаружено. Примерно по одной трети работающих в обеих рассматриваемых группах приходится на специалистов с высшим образованием; служащих и работников торговли или сферы услуг на должностях, не требующих высшего образования; рабочих с преобладанием высоких разрядов. Однако наблюдаются различия по субъективным оценкам *уровня удовлетворенности возможностью реализовать себя в профессии*. В больших городах доля высоких оценок удовлетворенности возможностью профессиональной саморе-

ализации значимо ниже по сравнению с другой целевой группой – 19% против 27%.

Блок показателей, который мы назвали «*информационно-культурный профиль*», анализируется в статье через следующие индикаторы: уровень заинтересованности в информации о политических событиях в стране; частота использования Интернета; предпочтения в сфере культуры и особенности досуговой деятельности.

Доли респондентов, внимательно следящих за информацией о политических событиях в стране, в обеих целевых группах равны и составляют 30%. Доля не интересующихся политикой выше в больших городах – 34% против 28% – в остальных городских населенных пунктах, а тех, кто обсуждает информацию о политических событиях с друзьями и родственниками – ниже (33% против 40%). Следовательно, *уровень заинтересованности в информации о политических событиях в стране* ниже в больших городах по сравнению с остальными городскими населенными пунктами.

По *частоте использования Интернета* различий не обнаружено. Около четверти респондентов в каждой целевой группе не пользуются Интернетом вообще, а половина используют его ежедневно.

Для оценки *предпочтений в сфере культуры* в ходе опроса респондентам предлагалось ответить, что нравится, не нравится или к чему они равнодушны в музыке, кино, литературе, телевидении, театре по 21-ой позиции. На рисунке 1 графически представлены те позиции, по которым зафиксированы значимые различия между целевыми группами в ответах «нравится».

Рис. 1. Предпочтения в сфере культуры (доля в % ответивших «нравится» в каждой целевой группе)

Fig. 1. Cultural preferences (share in % of respondents who answer “I like it” in each target group)

В больших городах по сравнению с остальными городскими поселениями респонденты больше предпочтений отдают образцам массовой культуры, чем чтению разнообразной литературы, классической музыке, театру, изобразительному искусству и самообразованию в целом.

Далее обратимся к анализу особенностей досуговой деятельности респондентов из целевых групп. В ходе опроса респонденты имели возможность выбрать все подходящие для них варианты проведения досуга из 19, предложенных в анке-

те. В таблице 5 отражен «репертуар» досуга горожан, ранжированный по убыванию удельного веса различных способов проведения свободного времени, предложенных в анкете. Для получения представления о том, как проводит досуг большинство респондентов из каждой целевой группы, подсчитан удельный вес каждого из вариантов ответов и для анализа отобраны позиции, удельный вес которых превышает 50%. Результаты процедуры представлены в таблице 5 по убыванию удельного веса в каждой группе.

Таблица 5

Особенности досуга большинства респондентов из целевых групп (удельный вес в % от количества опрошенных в каждой группе)

Table 5

Features of leisure of the majority of respondents from target groups (share in % of the number of respondents in each group)

Целевая группа	Способы проведения свободного времени
Большие города	- занимаются домашним хозяйством, детьми, дачей (70%)
	- встречаются и общаются с друзьями дома или в гостях (61%)
	- просто отдыхают, расслабляются (59%)
	- смотрят телепрограммы, слушают радиопередачи (57%)

<p>Остальные городские населенные пункты</p>	<ul style="list-style-type: none"> - смотрят телепрограммы, слушают радиопередачи (66%) - занимаются домашним хозяйством, детьми, дачей (61%) - встречаются и общаются с друзьями дома или в гостях (57%) - просто отдыхают, расслабляются (52%) - проводят время на природе, гуляют (51%) - слушают музыку, читают книги (50%)
--	---

В обеих целевых группах большинство респондентов ориентированы проводить свободное время дома, однако в больших городах «репертуар» досуга менее разнообразен. В остальных городских населенных пунктах большинство респондентов чаще выбираются на природу, читают книги и слушают музыку, что вполне соотносится с выявленными выше предпочтениями в сфере культуры.

3.3. *Стиль жизни: мотивационно-деятельностная и мировоззренческая составляющие.* Мотивационно-деятельностная составляющая стиля жизни анализируется через такие показатели как социальные связи; социальная активность; институциональное доверие. Уровень *социальной активности* оценивается на основании ответов на вопрос об участии в деятельности общественных организаций, объединений, сообществ. Респонденты из обеих целевых групп демонстрируют низкую социальную активность: в год опроса не участвовали в деятельности ни одной из перечисленных в анкете организаций, объединений, сообществ (10 позиций) 77% респондентов из больших городов и 76% – из остальных городских населенных пунктов.

Социальные связи как неотъемлемая черта стиля жизни и важнейший адаптационный ресурс отражают характер и объем контактов и взаимодействий с социальной средой, определяющих включенность в социальные сети. Имеющиеся у нас данные позволяют проанализировать этот показатель через оценки важности знакомств и связей; необходимости и достаточности единомышленников, разделяющих интере-

сы, принципы и жизненные цели; особенности авторитетов, на чье мнение по важным проблемам опираются респонденты.

Для респондентов из больших городов по сравнению с другой целевой группой важнее (сумма оценок 4 и 5 по пятибалльной шкале) обретение знакомств и связей – 61% против 47%. На основе ответов на вопрос о необходимости единомышленников, разделяющих интересы, принципы и жизненные цели, построим индекс достаточности единомышленников² (таблица 6).

Респонденты из больших городов существенно больше по сравнению с другой целевой группой испытывают недостаток единомышленников, за исключением разделяющих взгляды в сфере культуры.

Около четверти респондентов в обеих целевых группах в важных общественных и политических вопросах не опираются ни на чье мнение, а руководствуются только своим. Анализ специфики авторитетов, мнение которых по важным общественным, политическим проблемам является для респондентов наиболее значимым, сводился к подсчету удельного веса от ответивших по каждой позиции (всего 10) в каждой целевой группе. Результаты по тем позициям, где зафиксированы различия, представлены в таблице 7.

² Индекс достаточности единомышленников вычисляется по формуле: $ИДЕ = a - b$, где a – доля респондентов, ответивших «единомышленники нужны и их достаточно», b – доля респондентов, ответивших «единомышленники нужны, но их мало». ИДЕ измеряется в процентных пунктах и может принимать значения от -100 (абсолютная недостаточность) до $+100$ (абсолютная достаточность).

Таблица 6

Индекс достаточности единомышленников (в процентных пунктах)

Table 6

Index of sufficiency of like-minded people (in percentage points)

Специфика единомышленников	Значения индекса	
	Большие города	Остальные городские населенные пункты
В вопросах внутренней политики, ситуации в России	2	14
В вопросах внешней политики, ситуации в мире	-3	11
Во взглядах на мораль и нравственность	11	13
В вопросах национальных отношений	3	11
В вопросах религии	8	11
Во взглядах на музыку, литературу, искусство	15	13

Таблица 7

Особенности авторитетов по общественным, политическим проблемам
(удельный вес в % от ответивших в каждой целевой группе)

Table 7

Features of authorities on social and political issues (share in % of respondents in each target group)

Тип авторитетов мнения	Целевая группа	
	Большие города (N=143)	Остальные городские населенные пункты (N=1855)
Родители	35	42
Другие родственники	42	28
Друзья, коллеги	65	55
Лидеры общественных движений, объединений	1	9

В больших городах респонденты в общественных и политических вопросах больше ориентируются на мнение родственников, в остальных городских поселениях – родителей. В больших городах по сравнению с другой целевой группой авторитетом не пользуется мнение лидеров общественных движений и объединений. Абсолютным авторитетом в общественных и политических вопросах у городского населения вне зависимости от типа города проживания выступают друзья и коллеги, причем в больших городах значимо больше, чем в остальных городских населен-

ных пунктах. Однако дополнительный анализ показывает, что удовлетворенность возможностью общаться с друзьями в больших городах существенно ниже: 43% против 52% – в другой целевой группе.

В целом при высокой субъективной важности знакомств и связей респонденты из больших городов испытывают дефицит единомышленников, а также характеризуются низким уровнем удовлетворенности возможностью общаться с ведущим для них авторитетом в важных вопросах – друзьями. В совокупности полученные результаты указывают на недостаточную

развитость социальных связей у жителей больших городов, что, безусловно, может затруднять их адаптацию к условиям неопределенности среды.

Еще одним важным ресурсом адаптации выступает доверие (Козырева, 2011). Результаты исследований свидетельствуют о повышении его роли в процессе адаптации к условиям неопределенности, связанным с «качественными социальными изменениями» среды (Козырева, Смирнов, 2017: 54), в том числе вызванным рискованными факторами (Мозговая, Шлыкова, 2014). Для формирования высокого уровня доверия в обществе «необходим охват чрезвычайно широкого спектра социальных взаимодействий» (Козырева, Смир-

нов, 2017: 54) – от межличностного до институционального.

Для оценки уровня *институционального доверия* респондентам предлагалось ответить доверяют они или нет различным структурам и институтам из предложенного в анкете перечня, включающего 16 позиций. По ряду позиций процент затруднившихся ответить оказался чрезвычайно высоким (свыше 25%), что потребовало пересчета данных не от количества опрошенных, а от количества ответивших в каждой целевой группе по каждой позиции. В анализ включены те структуры и институты, в отношении которых наблюдаются значимые различия в уровне доверия в целевых группах. Результаты процедуры демонстрируются на рисунке 2.

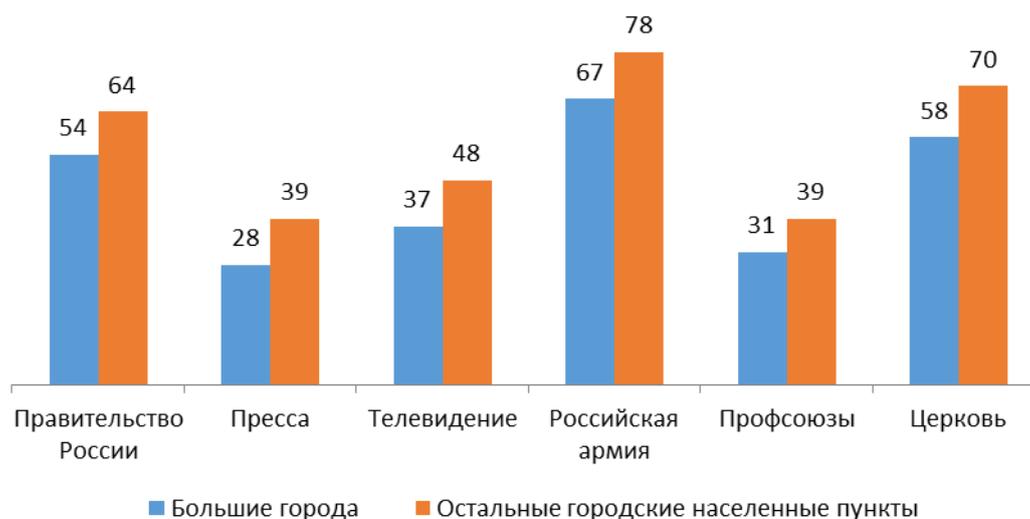

Рис. 2. Уровень институционального доверия (доля ответов «доверяю» от количества ответивших в каждой целевой группе)

Fig. 2. Level of institutional trust (share of "trust" responses from respondents who answered in each target group)

Результаты анализа показывают, что респонденты из больших городов в значительно меньшей степени доверяют государственным структурам, профессиональным объединениям, церкви и прессе, то есть характеризуются низким уровнем институционального доверия по широкому спектру по сравнению с другой целевой группой, что, безусловно, выступает фак-

тором, препятствующим адаптации к неопределенности среды.

Адаптационные практики, являясь тактической составляющей стиля жизни и жизненных стратегий, формируются на основе ценностных ориентаций и жизненных установок.

Особенности ценностных ориентаций и жизненных стратегий целевых

групп. Ценностные ориентации оценивались по пятибалльной шкале. В анализ включены высокие оценки – сумма баллов 4 и 5. На рисунке 3 представлены резуль-

таты анализа по тем позициям, по которым зафиксированы различия между целевыми группами (7 позиций из 18).

Рис. 3. Ценностные ориентации (доля высоких оценок по шкале важности в % от количества опрошенных в каждой целевой группе)

Fig. 3. Value orientations (share of high ratings on the importance scale in % of respondents in each target group)

Респонденты из больших городов больше ориентированы на «простые человеческие ценности» – получать образование, строить карьеру, создавать семью и воспитывать детей, поддерживать здоровье, обзаводиться важными связями и получать признание от окружающих. Для остальных городских поселений важным оказывается большее – жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе.

Для оценки жизненных установок респондентам предлагалось выразить со-

гласие с одним из пары альтернативных суждений. Выявлены различия целевых групп в отношении следующих установок: зависимость от поддержки государства; самореализация, проявление себя; готовность бороться за свои права и интересы; представления о справедливом распределении материальных благ в обществе; свобода в противовес материальному благополучию.

Результаты анализа представлены в таблице 8.

Таблица 8

Жизненные установки (в % от опрошенных в каждой целевой группе)

Table 8

Life attitudes (% of respondents in each target group)

Альтернативные суждения	Целевая группа	
	Большие города	Остальные городские населенные пункты
<i>Зависимость от поддержки государства</i>		
Я смогу сам(-а) обеспечить себя и свою семью, и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства	55	44
Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить	45	56
<i>Самореализация, проявление себя</i>		
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	64	57
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	36	43
<i>Готовность бороться за свои права и интересы</i>		
Чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	60	53
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	40	47
<i>Представления о справедливом распределении материальных благ в обществе</i>		
Материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хочет, пусть живут бедно – это справедливо	52	44
Надо проявлять гуманность, те, кто материально преуспел, должны помогать и заботиться о тех, кто не преуспел	48	56
<i>Свобода в противовес материальному благополучию</i>		
Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл	53	63
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	47	37

Заключение (Conclusions). Сравнительный анализ данных общероссийского мониторинга по признаку типа городских поселений выявил наличие существенного отличия городских общностей «больших городов» (с населением от 100 тыс. человек до 250 тыс. человек) по критерию оценки степени напряженности среды: развитие кризиса в стране оценивается ими как возрастание напряженности, рост и углубление негативных последствий,

удовлетворенность жизнью в таких городских общностях низкая.

Исследовательская гипотеза состояла в предположении о наличии ряда специфических черт стиля жизни таких городских общностей, обусловленных статусом численности проживающего населения. По положению, принятому нами за исходное, городская среда с той или иной численностью населения определенным образом организует не только природно-географическое пространство и соответ-

ствующую ему сферу производства, но и пространство повседневности, стиль жизни поселенческой общности. С этих позиций стиль жизни городской поселенческой общности можно рассматривать как комплексный показатель «ресурсности» адаптации к неопределенности среды, в том числе вызванной кризисом на более высоком структурном уровне – общества в целом как системы. Анализ ряда показателей стиля жизни, эмпирическая интерпретация которых оказалась возможной, исходя из инструментария мониторинга, позволил сделать ряд выводов.

При субъективных средних оценках удовлетворенности уровнем и стабильностью материального статуса, отсутствии существенных различий в перечне источников и уровне личного среднемесячного дохода среднемесячный доход семьи респондентами из больших городов оценивается ниже по сравнению с другими типами городов, причем при равной доле иждивенческой нагрузки в больших городах в семье на иждивении преимущественно находятся пенсионеры, в других городах дети. Уровень образования респондентов из больших городов ниже, квалификации равноценны, а вот удовлетворенность возможностями самореализации в профессии ниже, чем в других типах городов.

При одинаково невысоком уровне социальной и гражданской активности респонденты из больших городов отличаются низким уровнем институционального и гражданского доверия, заинтересованности политическими событиями, в их ценностных ориентациях декларируется самодостаточность, независимость от помощи государства. Авторитетным мнением для них выступают взгляды ближайшего окружения и при этом они испытывают недостаток в общении с друзьями и явный дефицит единомышленников. Досуг преимущественно проводят в домашней обстановке, предпочтения принадлежат сфере массовой культуры.

В структуре жизненных приоритетов преобладают «земные» ценности, идеалы

справедливости и свободы находятся на периферии. Декларируемые инициативность и готовность отстаивать свои интересы никак не коррелируют с социальной и гражданской активностью, с активностью в сфере культурного самообразования. Направить инициативность на реализацию интересов в продвижении в профессии, видимо, не представляется возможным, отсюда неудовлетворенность.

В целом данные позволяют охарактеризовать адаптационную «ресурсность» стиля жизни респондентов из больших городов как двойственную. С одной стороны, определенный консерватизм, «застойность» способствует психологической адаптации к кризисному периоду, с другой стороны, вхождение неопределенности в нашу повседневность требует, во-первых, рефлексии и признания этого факта изменившейся социальной реальности, во-вторых, активного наращивания адаптационного потенциала. Корректировка стиля жизни выступает механизмом этого сложного адаптационного процесса через повышение субъектности, рефлексивности, деятельностно-мотивационной составляющей стиля жизни.

Список литературы

Гриценко Г.Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // *Universum: Общественные науки*. 2014. № 6 (7). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (дата обращения: 28.01.2019).

Демографическая энциклопедия / Редкол.: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., Денисенко М.Б. и др. М.: ООО Издательство «Энциклопедия», 2017.

Козырева П.М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX-XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Масштабы распространения и размеры оплаты медицинских услуг // *Социологическая наука и со-*

циальная практика. 2018. № 3. С. 26-42. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6001>.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Население и бизнес: дефицит доверия, его причины и последствия // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 53-69. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.06>.

Мозговая А.В. Социология и управление риском // Социологические координаты риска / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2008. С. 7-18.

Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4. С. 25-49.

Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления: монография / Ю.А. Зубок (отв. ред.), В.И. Чупров, И.С. Шаповалова и др. Белгород: ООО «Эпицентр», 2016.

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Издательство Весь Мир, 2015.

Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии. М.: Издательский дом «Стратегия», 1998.

Шлыкова Е.В. Профиль адаптационного социального самочувствия населения в условиях навязываемого риска // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2017. С. 114-126.

References

Gritsenko, G. D. (2014), "Social wellbeing and social adaptation: the correlation of the notions", *Universum: Obshchestvennyye nauki*, 6 (7), available at: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (Accessed 28 January 2019). (In Russian).

The demographic encyclopedia, (2017), in Tkachenko, A. A., Anoshkin, A. V. and Denisenko, M. B. (ed.), Entsiklopediya, Moscow, Russia. (In Russian).

Kozyreva, P. M. (2011), *Trust and its resources in modern Russia*, Institut sotsiologii RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Kozyreva, P. M. (2004), *The processes of adaptation and evolution of social well-being of Russians at the turn of XX-XXI centuries*, Centr obshchechelovecheskih tsennostey, Moscow, Russia. (In Russian).

Kozyreva, P. M. and Smirnov, A. I. (2018), "Scale of Distribution and Amount of Remuneration for Medical Services", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, (3), 26-42. (In Russian).

Kozyreva, P. M. and Smirnov, A. I. (2017), "Business and the Population: A Lack of Trust – Reasons and Consequences", *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (1), 53-69. (In Russian).

Mozgovaya, A. V. (2008), "Sociology and risk management", in Mozgovaya, A. V. (ed.) *Sociological coordinates of risk*, Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN, Moscow, Russia, 7-18. (In Russian).

Mozgovaya, A. V. and Shlykova, E. V. (2014), "Social resources and adaptation to risk: the choice of strategy (by the example of the social community in the situation of particular risk)", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, (4), 25-49. (In Russian).

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I., Shapovalova, I. S. (2016), *Risks of transforming habitat: the problem of research and management: a monograph*, in Zubok, Yu. A. (ed.), Epicentr, Belgorod, Russia. (In Russian).

Russian Society and Challenges of The Time. Book Two (2015), in Gorshkov, M. K. and Petuhov, V. V. (ed.), Ves' Mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Tatarova, G. G. (1998), *Methodology of data analysis in sociology*, Strategiya, Moscow, Russia. (In Russian).

Shlykova, E. V. (2017), "Profile of adaptive social well-being of the population in the conditions imposed on risk", *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, 1, 114-126. (In Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Мозговая Алла Викторовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального

научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Шлыкова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Alla V. Mozgovaya, PhD in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

Elena V. Shlykova, PhD in Sociology, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.